

также являющиеся ранней иконографической особенностью, неизвестной нам в других армянских миниатюрах того же сюжета.

При всей неумелости исполнения и примитивизации лики евангелистов значительны и суровы. Низкие лбы, большие глаза со скошенными в одну сторону черными зрачками, дугообразные черные брови характеризуют подчеркнuto восточный тип. Обращает внимание несколько необычный характер одежд, особенно перекинутая через левую руку пола у евангелистов Матфея, Луки и Иоанна. Видимо, мастер, пользуясь каким-то неплохим образцом, не смог передать сложный рисунок одежд и их складок. Передко он полностью орнаментализирует их, превращает при помощи завитка в растительный мотив, напоминающий лист, форма которого прослеживается в маргиналах; преобладание графической манеры исполнения сочетается с отсутствием светотеневой характеристики. Пространство между фигурами заполнено штриховым рисунком.

Колорит миниатюр определяет немногочисленный набор красок, кроющая поверхность которых не всегда совпадает с контурами рисунка. У всех евангелистов гиматии красные, почти пурпуровые, хитоны — светло-зеленые, нимбы желтые, лица розовые. Фигуры выступают на залитой красным цветом плоскости фона, оттененного зеленой рамкой и составляющего пандан к миниатюре с изображением донаторов.

* * *

Несомненной особенностью цикла лицевых миниатюр Евангелия 1033 г. является до конца не ясная по своему сюжету иллюстрация, обычно толкуемая как изображение донаторов — священника Симеона и его братьев (рис. 9). Л. А. Дурново отождествляла их с тремя светскими персонажами, помещенными в центральной части миниатюры. По сторонам этой группы стоят две фигуры, значительно более крупные по своим размерам. Справа — ангел, о чем гласит и надпись около него: *հմարտիկ Էրի հսկչփսիկ*, «архангел Рафаил». Определение второй фигуры, стоящей слева и, очевидно, получающей Евангелие от персонажа центральной группы, встречает затруднение. Обычно ее рассматривают как фигуру Христа, но этому мешает отсутствие крещатости нимба, к тому же рядом с фигурой справа довольно ясно читаются буквы *Սիմ*, как будто под титлом, что может быть прочитано как известное нам по памятной записи имя священника Симеона. Такую определению этой фигуры мешает изображение нимба. Однако необычные эпитеты, прилагаемые в памятной записи к имени священника Симеона: «святой и достойный почитания», — позволяют допустить эту возможность.

Небезынтересно напомнить и толкование сюжета этой миниатюры, которое дала Л. А. Дурново¹⁵: рассматривая три центральных персонажа как изображения «блаженного иерея Симеона, для которого было исполнено это Евангелие, и его братьев», она полагала, что все трое были представлены в виде отроков в печи огненной, что иллюстрирует библейскую легенду о чудесном избавлении их от смерти посланным богом ангелом, фигуру которого мы видим на нашей миниатюре. Не отрицая возможности такого толкования сюжета, в который был вложен, очевидно, какой-то символический смысл (возможно, идея спасения верующих в бога в сцене Ветхого завета и параллель к ней — спасение через Новый завет — Евангелие), мы склонны видеть в изображенной крупным масштабом фигуре, стоящей слева, «портрет» святого священника Симеона. На то, что в миниатюре изображены отроки в печи огненной, может указывать не только фигура архангела Рафаила, но и своеобразная трактовка фона, исполненного неровно наложенным красным тоном, и кажущиеся на первый взгляд

¹⁵ Л. А. Дурново. Очерки по истории армянского искусства (рукопись).